

Малербу предложили пойти на мировую, и некий советник из Прованса, близкий его друг, заговорил с ним о десяти тысячах экю; он отверг это предложение. В дальнейшем друзья внушили ему, что месть, коей он жаждет, по-видимому, невозможна по причине влияния, коим пользовалась враждебная сторона, а потому, мол, ему, Малербу, не следует отказываться от небольшого вознаграждения, которое ему предлагают. — «Что же, — сказал Малерб, — я последую вашему совету и возьму эти деньги, раз уж мне навязывают, но, клянусь, не потрачу на себя ни гроша и употреблю их все на постройку мавзолея моему сыну». Он так и сказал — «маволея», вместо «надгробия», — оставаясь и тут до конца поэтом.

Впоследствии, поскольку сделка не состоялась, он нарочно отправился под осажденную Ларошель, чтобы добиться у Короля правосудия,³⁵ и, не получив при сем ожидаемого им удовлетворения, там же, в Нетре, во дворе штаб-квартиры Короля, заявил во всеуслышание, что желает вызвать г-на де Пиля на поединок. Капитаны Гвардии и другие лица, кои присутствовали при сем, усмехались, глядя на него: как человек столь пожилого возраста может говорить о дуэли; а Ракан, который находился там же, в Нетре, и командовал ротой латвиков маршала д'Эффиа, по-дружески отвел его в сторону и сказал, что над ним смеются и нелепо в семьдесят три года желать драться с двадцатипятилетним; однако Малерб резко его оборвал, заявив: «Вот потому я так и поступаю. Я ставлю су против пистоля».

В поездке этой Малерб подхватил болезнь, от которой и умер по прибытии в Париж, незадолго до взятия Ларошели.³⁶

Он не очень-то верил в иную жизнь, и когда с ним говорили об аде и о рае, заявлял: «Жил я, как и все другие, умереть хочу, как все другие, и уйти туда, куда уходят все другие».

Его с трудом уговорили исповедаться; в оправдание свое он отвечал, что привык исповедоваться только на Пасху. Однако он довольно строго соблюдал все предписания церкви и ел мясное в субботу после Сретения разве только по недосмотру; он даже испрашивал обычно разрешение поест скоромного, когда ему бывало нужно, и ходил к мессе каждый праздник и каждое воскресенье. О боге и о всем святом Малерб говорил почтительно, и кто-то из друзей заставил его признаться в присутствии Ракана, что во время болезни жены он дал обет: ежели она выздоровеет, отправиться пешком и с непокрытой головою из Экса в Севт-Бом. Тем не менее ему случалось порою говорить, что религия государя — это религия людей благовоспитанных.

Ивранд, один из учеников Малерба, бретонский дворянин, паж, возвращенный в свите Главного шталмейстера, окончательно убедил своего учителя исповедаться и причаститься, сказав ему: «Вы всегда придерживались правила жить, как другие, и умереть, как другие». — «Что вы хотите этим сказать?» — спросил Малерб. — «А то, — ответил Ивранд, —